

СОЦИАЛЬНАЯ, ЭКОНОМИЧЕСКАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

ТЕОРИЯ ПОИСКА ЗНАЧИМОСТИ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ФЕНОМЕНА ЦЕННОСТНО-АФФЕКТИВНОЙ ПОЛЯРИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНЫХ ГРУПП

©Лебедев А.Н.

доктор психологических наук, главный научный сотрудник

Института психологии РАН, Москва, Россия,

lebedev-lubimov@yandex.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1030-9709>

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках научного проекта № 23-18-00422, <https://rscf.ru/project/23-18-00422/>

В статье рассматриваются методологические проблемы изучения феномена ценностно-аффективной поляризации социальных групп. Утверждается, что заметного успеха в изучении ряда важных психологических феноменов можно добиться на основе принципа стохастического детерминизма, который принимается в таких науках, как биология, экономика и других и наиболее отчетливо представлен в работах психологов Д. Канемана и А. Тверски. Для изучения выбора личностью ценностной позиции в условиях групповой поляризации рассматривается теория поиска значимости А. Круглански (SQT). Данная теория рассматривает поиск значимости как «опредмечивание» специфической потребности, в основе которой лежит чувство собственного достоинства личности. Поиск значимости может приводить как к социально позитивным, так и негативным результатам развития личности, предсказать которые заранее невозможно. Теории поиска значимости и теория ценностно-аффективной поляризации позволяют объяснить не только ценностный выбор членом группы занимаемой им позиции, но и механизм трансформации ценностной поляризации в аффективную, предвзятость подтверждения, характерную для представителей поляризованного меньшинства, вторичную поляризацию меньшинства группы и др.

Ключевые слова: ценностно-аффективная поляризация социальной группы, групповая поляризация, стохастический детерминизм, теория поиска значимости, самооценка, предвзятость подтверждения, меньшинство и большинство социальной группы

Введение

Современные социально-психологические исследования феномена ценностно-аффективной поляризации социальных групп показывают, что процесс перехода ценностной поляризации в аффективную связан как минимум с

тремя важными психологическими явлениями. Это: 1) Ценностная природа предмета противостояния; 2) Потребность в сохранении и подтверждении личностной значимости членов подгрупп поляризованного меньшинства; 3) Взаимное стремление противодействующих

групп поляризованного меньшинства оказать психологическое воздействие на противника и приобрести преимущество в борьбе за мнения большинства группы; 4) Повышение иррациональности мышления членов противодействующих подгрупп и прежде всего – нечувствительность к противоречиям в собственных аргументах; 5) Предвзятость подтверждения и устойчивое взаимное нежелание идти на уступки [5; 7; 19; 25; 29; 30; 32]. Полученные результаты, полученные при изучении социально-психологического феномена ценностно-аффективной поляризации социальных групп, ставят задачу поиска причин устойчивой аффективной поляризации. Сегодня одной из теорий, наиболее точно объясняющих основные характеристики данного феномена и ответов на сформулированные выше вопросы, является, на наш взгляд, теория поиска личностной значимости А. Круглански (*Significance-Quest Theory*).

Проблемы методологии изучения феномена ценностно-аффективной поляризации социальных групп

Одна из основных задач науки – это разработка адекватной системы научных понятий и терминов. При этом понятия и термины нужны не только для улучшения взаимопонимания ученых, о котором они сами часто говорят, но и для движения научного мышления к лучшему пониманию изучаемого, о чем почему-то говорят гораздо реже. То есть задача ученого – это направить мышление к новому знанию через правильно организованные понятия и термины. И это очень важно, так как познание человеком окружающего мира оказывается наглядно действенным и наглядно образным лишь на начальных этапах. При углублении познания оно становится сугубо понятийным [18].

Вряд ли сегодня кто-то не согласится с тем, что психология – наука скорее вербальная, чем логически строгая и математически обоснованная – слишком мало в ней того, что можно описать абстрактными формулами или легко воспроизводимыми в разных экспериментальных условиях опытами. И это не вина ученых – такова изменчивая и сложная природа психичес-

кого. Изменения происходят очень быстро, и новые явления уже не могут быть описаны старыми терминами – образовавшиеся лакуны требуют разработки соответствующего понятийного аппарата. Как показал опыт философии и методологии начала XX века, преимущество получает тот, чей язык оказывается наиболее гибким и в большей степени приспособлен для описания новых феноменов [2].

Социально-психологические феномены довольно сложно поддаются логико-математической интерпретации, иначе мы могли бы относительно легко прогнозировать поведение людей в социальных группах. Но этого не происходит. К разнообразию индивидуального мышления здесь прибавляется не менее запутанная вариативность мышления группового [15]. В этом случае мы часто сталкиваемся с высокой неопределенностью и непредсказуемостью изучаемого, что ограничивает, например, точное воспроизведение социально-психологических экспериментов или результатов массовых опросов в течение даже очень незначительного времени.

Советская психология, основанная на марксистско-ленинской философии и идеях «научного коммунизма», считала детерминизм главным принципом построения научных исследований и теорий [16] несмотря на то, что весь XX-й век параллельно с теориями, основанными на принципе каузального детерминизма, развивались те, которые учитывали детерминизм стохастический, когда случайность рассматривалась как причина тех или иных явлений [4; 14; 17; 21].

С момента своего возникновения психология, как и другие науки, постоянно сталкивается с понятием случайности, однако если при обработке данных оно применяется широко, особенно в рамках экспериментальной науки, то на теоретическом уровне в качестве объяснительного принципа это понятие всегда уступало дорогу понятию причинности. Лишь в последние десятилетия, в определенной степени благодаря исследованиям и разработкам в области искусственного интеллекта, многие начали задавать вопрос: а не использует ли природа случайные процессы не только для биологической эволю-

ции, но и для организации работы мозга человека, где логика причудливо, но крайне эффективно сочетается с тем, что было описано У. Джемсом термином «поток сознания»?

Наиболее отчетливо идеи стохастического детерминизма в психологии представлены в работах Д. Канемана и А. Тверски. Д. Канеман не только неоднократно заявлял в публичных выступлениях: «Мысль случайна!», но и посвятил этому ряд своих работ, в частности, вторую главу знаменитой книги: «Thinking, Fast and Slow» [4; 21].

Детерминизм в материалистической философии – основном источнике принципов и подходов советской психологии – всегда был весьма привлекательным для объяснения психологических явлений. И это понятно, ведь если случайное рассматривать детально, то, следуя логике диалектического материализма, его можно раскрыть в виде некоего «механизма», то есть описать скрытую последовательность причинно-следственных связей. Однако при этом тот факт, что случайные явления бывают разными и некоторые из них определяются невероятно большой последовательностью причин и следствий обычно игнорировался.

Упрощение случайных явлений и описание их как простых механизмов, то есть в виде моделей, может быть вполне приемлемым для практики, но при этом с точки зрения фундаментальной науки оказывается совершенно неудовлетворительным. Многие физики сегодня подчеркивают, что, изучив свойства электричества и повсеместно применяя, например, закон Ома на практике, мы все еще плохо представляем его действительную природу. И здесь феномен «черных лебедей» становится одним из наиболее важных для понимания неполноты наших знаний, особенно в психологии.

Не вызывает сомнения тот факт, что сегодня появляются науки, которые без понятия случайности существовать не могут. И прежде всего – это биологические науки, построенные на признании факта эволюции и концепции естественного отбора. В генетике вообще невозможно что-либо изучать без применения понятия случайности, поскольку проследить последователь-

ность взаимодействия огромного количества элементов биологической системы, например, генов в клетках, которые перемешивались в течение десятков тысяч поколений, невозможно в принципе.

И как бы глубоко мы не проникали в суть случайного процесса, какими бы обобщенными статистическими моделями его не описывали, все равно на уровне единичных событий мы можем лишь предсказывать вероятность их появления, не объясняя почему именно они происходят. Точно так же и мозг человека, где случайность в работе огромного количества нейронов, способствующая появлению потока сознания и свободных ассоциаций заставляет нас либо формулировать парадоксы наподобие парадокса Бурдана осле, либо говорить о некоей иррациональной воле или еще хуже о мистической душе. Описать же сознание только как последовательность причин и следствий, по крайней мере на данном этапе, не представляется возможным, а любые аналогии с квантовыми процессами, которых сегодня в нейробиологии становится все больше, пока не выдерживают критики и могут рассматриваться лишь в виде гипотез в рамках научных дискуссий.

Анализируя эти вопросы, можно вспомнить не только синергетику Г. Хакена, когда он объясняет, как мозг принимает решения (бифуркация), или М. Райхла, когда он говорит о «дефолтном состоянии» мозга во время бездействия или сна, или работы В.М. Аллахвердова, когда он разбирает феномен Бурдана осле и критикует Аристотеля, но и такие, еще более известные, как оперантное обусловливание Б. Скиннера, имплицитное научение А. Ребера или механизм опредмечивания потребностей А.Н. Леонтьева. Ведь, по А.Н. Леонтьеву, потребность опредмечивается одним из многочисленных мотивов (предметом потребности), что происходит, если буквально следовать его модели, относительно случайным образом, особенно в тех ситуациях, когда мотивы субъективно равнозначны. Например, мы сталкиваемся с этим в повседневной жизни, выбирая на полке супермаркета один товар среди многих аналогичных, но неизвестных нам торговых марок. В марке-

тинге это называется импульсивной покупкой. В теории деятельности А.Н. Леонтьева – опредмечиванием потребности [12].

Простые модели хорошо работают на практике и вполне пригодны для решения практических задач, например, они могут, хотя и далеко не во всех случаях, объяснить механизмы влияния психотропных лекарств на психику. Однако современный ученый вряд ли согласится с известным высказыванием В.И. Ленина о том, что критерием истины является практика, поскольку критерием научной истины являлась (со времен Г. Галилея) и является в настоящее время только сама наука и ничего другого. И очень может быть, что прав И. Кант, в соответствии с учением которого истина всегда оказывается за пределами познания.

Таки образом, если в генетике и во многих других науках нельзя обойтись без понятия случайности, то почему мы стремимся к тому, чтобы обойти это понятие в психологии, где без него также невозможно понять, описать и объяснить многие психические явления? И если моделирование и простые модели – это лишь попытка разобраться в очень сложных психических явлениях, то, может быть, каузальный детерминизм в психологии оказывается не таким уж обязательным? И как неоднократно повторяет выдающийся нейрохирург А.Н. Коновалов, мы знаем о мозге все, кроме того, как он работает. Здесь можно добавить и то, что мозг работает не только независимо от нашего сознания, но и на основе стохастических процессов.

Видеть причину в случайном – это свойство обыденного мышления, не видеть таковой причины – недостаток научного. Так в книге «Материализм и эмпириокритицизм» В.И. Ленин пишет, что марксисты безоговорочно признают объективную закономерность, причинность и необходимость, а признание объективности случайности в природе – это, по его мнению, прямой путь к идеализму и теологии. В.И. Ленин считал, и с ним нельзя не согласиться, что все процессы в природе имеют сугубо материальную основу и все в ней взаимосвязано. Однако при этом он утверждал: если что-то воспринимается нами как случайность, то мы просто не

до конца понимаем механизм тех или иных явлений и процессов. По В.И. Ленину, случайность – явление глубоко субъективное и оно есть лишь продукт человеческого незнания и невежества. В самой природе, по его мнению, случайности как таковой нет быть не может [11].

Природа так устроена, что в ней преобладают процессы, для детального описания которых очень часто мышление учёного не имеет достаточно когнитивных ресурсов. Если бы Б. Скиннер вместо того, чтобы описывать кривую результатов оперантного научения, занялся бы изучением случайного движения крысы в клетке до нажатия ею на педаль и получения подкрепления, то он потратил бы колоссальные ресурсы и все равно не достиг бы результата – слишком сложный процесс. Да и не имело бы это никакой научной ценности для понимания того, как именно происходит самообучение крысы.

Для практических выводов или, например, разработки технологии программированного обучения совсем не обязательно знать, почему крыса побежала в одну, а не в другую сторону, хотя для понимания фундаментальных принципов работы ее мозга это было бы крайне важно, полезно и даже необходимо. И поскольку сделать это невозможно, Б. Скиннер пишет, что крыса в клетке перемещается случайным образом. Можно ли обвинить Б. Скиннера в том, что он ушел от принципа детерминизма и не описал механизм движения крысы в клетке? Можно ли его за это критиковать или, например, объявить идеалистом?

Учитывая то, что мы часто не в состоянии объяснить, что происходит в психике и поведении как отдельного человека, так и социальной группы, и тем более мы не умеем здесь надежно что-либо предсказывать, то не означает ли это, что простые модели часто не работают и лишь создают иллюзию понимания сути вещей? В этом случае одна из причин как раз и состоит в том, что мы игнорируем категорию случайности, считая её ненаучной, методологически неправильной, избегая её в теориях и позволяя ей существовать лишь на бытовом уровне или в рамках математической статистики при обработке данных.

Теория поиска значимости

Публикации под рубрикой «Теория поиска значимости» начали появляться в научных изданиях в начале XX века. Автором теории является американский психолог польского происхождения А. Круглански (Significance-Quest Theory–SQT). В рамках данной теории А. Круглански с сотрудниками разработали 3N-модель радикализации, включающую основные параметры *потребности, нарратива и сети* (N3), которая стала применяться для изучения мотивации людей, в частности для мотивации терроризма [24].

В наиболее общем и упрощенном виде данная теория, разумеется, в нашей интерпретации, может быть описана следующими положениями: 1) Основу самосознания и поведения личности составляет чувство собственного достоинства и желание обрести социальную значимость. Поиск значимости является базовой характеристикой личности. 2) Механизм регуляции чувства собственного достоинства основан на динамике высших социальных эмоций, прежде всего – стыда и гордости, но всегда определяется самой личностью. Сформировавшиеся в этом случае психологические установки определяют направленность ее развития, которое не является целенаправленным. 3) Из теории логически следует, что сфера реализации значимости часто определяется личностью относительно случайным образом или под влиянием малозначительных факторов.

В теории поиска значимости для описания феномена выбран весьма удачный термин, который хорошо воспроизводится на разных языках (в частности, на английском и русском). А это для нас крайне важно, так как позволяет выделить специфические характеристики личности по сравнению с похожими терминами, в частности, с самооценкой, самоуважением, самоуверенностью, чувством собственного достоинства и другими [22; 24].

Можно долго спорить по поводу того, является ли действие под влиянием несущественных для достижения цели факторов случайным или к случайному действию следует отнести лишь выбор личностью чего-либо из большого числа

субъективно равнозначных альтернатив, что происходит, например, в условиях дефицита времени, но отвергать понятие случайности как методологически неверное, по нашему мнению, не следует. Во многих работах было показано, что мозг выполняет задачу случайного выбора в дефиците времени или в условиях информационной неопределенности без особых затруднений, и парадокс Бурдана осла вполне решается не только высокоразвитым мозгом приматов, но и примитивной нервной системой простейших организмов.

А. Круглански – один из тех психологов, которого признают автором большого количества разнообразных теорий. В принципе его взгляды не несут ничего нового по сравнению с тем, о чем в психологии говорилось до него. Однако огромное преимущество этой теории состоит в том, что понятийно и терминологически выделена специфика одной из наиболее важных для личности (и ее изучения) характеристик, которой придается особый смысл, и которая позволяет объяснить феномены, ранее такого объяснения не получившие.

Тот факт, что в жизни многих людей поиск значимости реализуется личностью в направлении развития системы ценностей, которую невозможно объяснить на основе физиологических, экономических и других материальных потребностей, подтверждается результатами исследований феномена ценностно-аффективной поляризации социальных групп [9; 10; 19; 30; 32]. Вопрос, который часто возникает у тех, кто впервые знакомится с моделью потребностей А. Маслоу, как правило, не согласуется с их жизненным опытом, а именно: «Почему высшие потребности его пирамиды не могут быть реализованы пока не удовлетворены низшие?». Ведь каждому из нас известны примеры, когда это не так, когда люди жертвуют безопасностью, любовью близких и даже жизнью, если это позволяет им проявить свою значимость так, как они это понимают.

Потребность в поиске значимости тесно связана с чувством собственного достоинства личности. И тот факт, что личность обладает неким механизмом саморегуляции, основанным на

этом чувстве, отмечают все, кто когда-либо в психологии занимался ее изучением. Однако есть огромное количество вопросов, на которые мы не имеем четких и однозначных ответов до сих пор. Вот только некоторые из них: 1) Как формируется этот механизм в процессе развития личности, какова здесь роль биологического, социального и собственно психологического, то есть саморазвития? В данном случае обычно говорят, что все эти факторы влияют на личность, но как именно точно сказать не может никто. 2) Почему в определённые периоды жизни человека, в частности, в период полового созревания и половой активности этот механизм играет ведущую роль, хотя и не имеет прямого отношения к деторождению, а в пожилом возрасте человеку не так важно, что о его внешности или интеллектуальных способностях думают окружающие? 3) Почему одни вещи представляют ценность для людей (они гордятся их приобретением или испытывают стыд, когда не обладают ими), а к другим они относятся равнодушно? 4) С какой целью человек старается выделиться из «серой массы» или соответствовать общепринятым стандартам, которые считает значимыми для себя, и почему мнения одних людей важны для конкретного человека, а мнение других ему безразлично? 5) Почему одни люди стремятся активно проявить себя в одних сферах, а другие – в других, и почему какое-то событие или воздействие реального или воображаемого человека оказывает влияние на личность, а другие нет?

Эта концепция безусловно не лишена критики, ведь она опровергается практикой. Иначе, например, психоанализ и другие психотерапевтические методы не получили бы такого широкого распространения в XX веке. В этом смысле З. Фрейд не менее детерминист, чем В.И. Ленин, так как считал, что, последовательно разбирая этапы жизненного пути личности, то есть психологические механизмы ее развития, психоаналитик может добраться до первопричины невроза. Однако и у такой критики есть слабое место – это выбор личностью тех или иных действий в условиях неопределенности, то есть в субъективно равнозначных ситуациях. И здесь уже

невозможно понять, почему личность совершила поступок, который способствовал неврозу, а не другой, который бы привел к выздоровлению. При этом и сам человек не может ответить на этот вопрос, что заставляет психоаналитика руководствоваться какой-то очень простой моделью, выбирая одну из многих психоаналитических концепций.

И наконец – самый важный для нас вопрос: «Когда мы сталкиваемся с поляризацией мнений в группе, то оказывается непонятным, почему одни люди защищают одни ценности, а другие – противоположные?». Ведь среди поляризованных подгрупп мы всегда находим людей и с высоким уровнем доходов, и малообеспеченных, образованных и не очень, с выдающимися способностями и весьма заурядных, религиозных и атеистов, уравновешенных и агрессивных, общительных и замкнутых и т.д. То есть мы практически никогда не можем выделить и описать набор характеристик, которые однозначно присущи и тем, кто «за» и тем, кто «против», например, тем, кто лоялен власти или не поддерживает ее, когда речь идет о поляризации политического мировоззрения. Марксистская идея о классовом сознании в этом случае не работает совсем. Политическая поляризация не имеет никаких иных различий кроме ценностных. И вы чаще всего не сможете определить, какую политическую позицию занимает тот или иной человек, пока с ним не заговорите.

Один из наиболее важных выводов, который подтверждается исследованиями последних десятилетий, состоит в том, что выбор позиции членом группы в условиях ее ценностно-аффективной поляризации определяется индивидуальными представлениями человека о тех ценностях, принятие которых делает его достойным как в глазах значимого для него окружения, так и в его собственных.

Чувство собственного достоинства как основа поиска личностной значимости

О чувстве собственного достоинства, на основе которого формируется поиск личностной значимости, и в художественной литературе, и в научной, написано так много, что пытаться

перечислить хотя бы часть публикаций и тем более проанализировать их не имеет никакого смысла. Но есть весьма примечательные моменты. Так, например, философ И. Кант считал достоинство величайшей ценностью человеческой жизни и отмечал, что оно является ценностью даже для того человека, который об этом не подозревает. Можно добавить лишь то, что в законодательстве большинство стран мира, а также в Уставе Организации Объединенных Наций и во Всеобщей декларации прав человека чувство личного достоинства объявлено одной из основополагающих ценностей, а посягательство на это чувство признается уголовным преступлением, причем в некоторых случаях – равным посягательству на собственность и даже на жизнь человека.

Среди наиболее часто упоминаемых в психологии понятий, связанных с переживанием чувства собственного достоинства, непременно оказывается понятие самооценки [13]. Одно из многочисленных определений понятия самооценки говорит о том, что этот термин характеризует субъективную оценку индивидом самого себя. Как полагает писатель Роберт Грин, самооценка не может быть социально независимой и во многом зависит от мнения, получаемого со стороны других людей. Как утверждает автор, ради того, чтобы добиться внимания окружающих, люди готовы даже на преступления и самоубийства. По его мнению, в основе почти любого человеческого поступка лежит потребность в привлечении внимания других людей [3, с.70].

Тогда неизбежно возникает вопрос: «Почему бы не воспользоваться термином самооценка личности и на ее основе рассматривать феномен ценностно-аффективной поляризации мнений в социальной группе? И здесь возникает проблема. Термин «самооценка» и в исследованиях, и в публикациях с их результатами часто применяется не только к социально-психологическим явлениям, в основе которых лежит «обращенность к другому человеку» (термин предложен А.М. Матюшкиным), но и к анализу простых индивидуальных действий человека, например, операций с предметами, не имеющих прямого отношения ни к социальному окружению, ни к

личности в целом. Например, когда начинающий рыболов забрасывает удочку, но ему не удастся ничего поймать то, скорее всего, он особо не задумывается, как его могут или могли бы оценить в этой ситуации другие люди.

Таким образом термин «самооценка» в литературе не всегда точно отражает суть ориентации человека на социальную оценку. Кроме того, самооценка, независимо от того, что под этим термином понимают авторы, всегда есть оценка некоего свершившегося действия или в другом варианте – результат установки на определенные действия (самооценка как характеристика личности в целом). При употреблении термина на задний план в этом случае уходит активность, субъектность личности, не выделяется то, что можно было бы назвать желанием произвести впечатление, заявить о себе, как о важной персоне. То есть в понятии самооценки никак не отражено явление, которое можно было бы назвать (вслед за А.Н. Леонтьевым) не очень удачным термином «нецеленаправленное, во многом случайное опредмечивание личностной значимости».

Наиболее близким к самооценке является понятие самоуважения. Концепция самоуважения была представлена в работах философа Д. Юма. Он обратил внимание на то, что уважать себя и думать о себе хорошо – это очень важно для человека, так как обладает мотивирующей силой и позволяет личности наиболее полно раскрыть свой потенциал [20]. Отмечается, что самоуважение как психологический феномен формируется через взаимодействие с окружающей социальной средой и может быть высоким или низким в зависимости от получаемой человеком обратной связи и личного опыта. Понятие самоуважения в значительной степени связано с моральными нормами, а поиск личностной значимости и желание выделиться в группе часто бывают абсолютно аморальными.

В середине прошлого века, благодаря развитию и популярности гуманистической психологии, интерес к феномену самоуважения резко вырос. Так, К. Роджерс полагал, что проблемы у многих людей возникают потому, что они перестают уважать себя, считают себя бесполезными

и недостойными любви. В гуманистической психологии был выработан принцип, в соответствии с которым любой человек без каких-либо объективных оснований достоин безусловного уважения со стороны окружающих, то есть каждый человек заслуживает уважения, независимо от того, что он собой представляет [1]. Здесь следует подчеркнуть, что в теории поиска значимости этот принцип не принимается, поскольку поиск значимости может выражаться в социально вредных и опасных тенденциях, например, в том, что человек становится на путь терроризма [23; 25; 26; 27; 31]. При этом такой жизненный путь человек может выбрать не только потому, что он подвергался жесткому социальному влиянию, но и самостоятельно, когда странным образом «приходит к мысли», что терроризм как средство самовыражения вполне приемлем. В этом случае сказать заранее, что конкретный человек выберет такую систему ценностей невозможно. То есть саморазвитие личности в этом направлении нельзя считать детерминированным.

Феномен ценностно-аффективной поляризации социальной группы

В соответствии с концепцией групповой поляризации С. Московиси, социальная группа (с учетом ее размера) в условиях поляризации мнений делится на три подгруппы, где две – поляризованное меньшинство, а третья – управляемое конформное большинство [28]. Меньшинство всегда активно, практически не меняет своих взглядов, характеризуется высокой предвзятостью подтверждения и добивается цели, если действует слаженно. Наиболее эффективная тактика в противостоянии подгрупп поляризованного меньшинства – это не борьба с противоположным мнением, а борьба за мнения представителей большинства.

Современные исследования поляризации смещены от изучения когнитивных характеристик феномена в сторону изучения его аффективных составляющих и процессу перехода ценностной поляризации в стадию аффективной. Большое внимание уделяется росту иррациональности мышления поляризованного мень-

шинства и аргументов, направленных в сторону противника, а также – латентной и вторичной поляризации.

Длительный опыт исследования ценностно-аффективной поляризации заставляет сделать два важных вывода. Первый состоит в том, что в рамках методологии исследования данного феномена необходимо отказаться от жесткого детерминизма и принять концепцию детерминизма стохастического, когда в качестве причины того или иного явления признается понятие случайности [6; 8]. В этом случае мы рассматриваем как нецеленаправленное явление формирование личностью собственной системы ценностей, что, по нашему мнению, вполне согласуется с субъектным подходом. И второе – это тесная связь процесса формирования ценностных суждений с феноменом поиска личностной значимости, который мы также должны признать явлением недетерминированным в традиционном марксистско-ленинском смысле. В этом случае вполне пригодной для объяснительного принципа и предсказательного инструмента при изучении ценностно-аффективной поляризации социальных групп оказывается теория поиска значимости А. Круглански [24].

Заключение

Теория поиска значимости в рамках политической психологии объясняет нам не только почему оппозиционеры жертвуют свободой и добровольно идут в тюрьмы, но и почему оппозиция, в частности, в России никогда не побеждает власть. Это определяется во многом тем, что направленность поиска значимости у представляющих или просто поддерживающих власть и оппозиции различна. Лояльные власти демонстрируют единство взглядов, подчинение руководству и признание его авторитета, что создает условия, при которых поляризованное лояльное власти меньшинство и примыкающее к нему большинство оказываются политически более эффективными. У представителей оппозиции личностная значимость проявляется в виде самовыражения, самореализации и привлечения внимания к своей персоне, идеям и принципам, что создает условия для разногласий и борьбы за

приоритеты и лидерство. В политике такая стратегия крайне неэффективна и всегда обречена на провал.

Литература:

1. Анисимова О.М., Трошихина Е.Г. Самоуважение и развитие личности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2008. Вып. 4. С. 65–74.
2. Витгенштейн Л. Заметки по философии психологии / Пер. с нем. С.Д. Латушкина под ред. В.В. Анашвили. М.: Дом интеллектуальной книги, 2001.
3. Грин Р. Законы человеческой природы. М.: Альпина Паблишер, 2021.
4. Канеман Д. Думай медленно... решай быстро. М.: АСТ, 2023.
5. Лебедев А.Н. Аффект неопределенности и ценностно-аффективная поляризация больших социальных групп // Ученые записки Института психологии Российской академии наук. 2023. Т.3. №1. С.3-17. DOI:10.38098/proceedings_2023_03_01_02
6. Лебедев А.Н. Групповая поляризация мнений в условиях неопределенности морального выбора // Экспериментальная психология. 2022. Т.15. №2. С.159-171. doi:10.17759/exppsy.2022150212
7. Лебедев А.Н. К теории ценностно-аффективной поляризации социальных групп // Ученые записки Института психологии РАН. 2022. Т.2. № 1. С. 2-19.
8. Лебедев А.Н. Логико-стохастические задачи в нейромаркетинге // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2016. Т. 1. № 4. С. 94-114.
9. Лебедев А.Н. Феномен ценностно-аффективной поляризации российского общества // Ученые записки Института психологии РАН. 2021. Т.1. № 2. С. 3-17.
10. Лебедев А.Н., Гордякова О.В. Феномен групповой поляризации в политологии и политической психологии США и Европы // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2021. Т.6. №4(24). С.123-150.DOI: 10.38098/ipran.sep_2021_24_4_06
11. Ленин В.И. Материализм и эмпириокритицизм. Полное собрание сочинений. Издание 5. Т.18. М.: Издательство политической литературы, 1968.
12. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1977.
13. Молчанова О.Н. Психология самооценки : учебное пособие для вузов. 2-е изд., испр. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2023.
14. Пригожин И. Конец определенности. Ижевск : Регулярная и хаотическая динамика, 2001.
15. Прохоров А.О. Психология неравновесных состояний. М.: ИП РАН, 1998.
16. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии / С. Л. Рубинштейн. СПб. : Питер, 2000.
17. Хакен Г. Тайны восприятия. Синергетика как ключ к мозгу. Ижевск : Институт компьютерных исследований, 2002.
18. Щедровицкий Г.П. Философия. Наука. Методология. М.: Школа Культурной Политики, 1997.
19. Druckman J.N., Klar S., Krupnikov Y., Levendusky M., Ryan J.B. Affective polarization, local contexts and public opinion in America // Nature Human Behaviour. 2021. V. 5. Pp. 28-38.
20. Hume D. An Enquiry concerning the Principles of Morals, edited by Tom L. Beauchamp, Oxford: Clarendon Press, 1998.
21. Kahneman D. Thinking, fast and slow. NY.: Farrar, Straus and Giroux, 2011.
22. Kruglanski A.W. The motivated mind. London, UK: Psychology Press, 2019.
23. Kruglanski A.W., Belanger J.J., Gunaratna R. The three pillars of radicalization: Needs, narratives, and networks. New York: Oxford University Press, 2019.

24. Kruglanski A.W., Molinario E., Jasko K., Webber D., Leander N.P., Pierro A. Significance-Quest Theory // Perspectives on Psychological Science. 2022. №17(4). Pp.1050-1071. <https://doi.org/10.1177/1745691621103482519>.
25. Kruglanski A.W., Szumowska E., Kopetz C. The psychology of extremism. London: Routledge, 2021.
26. Kruglanski A.W., Szumowska E., Kopetz C., Vallerand R.J., Pierro A. On the psychology of extremism: How motivational imbalance breeds intemperance // Psychological Review. 2021. V.128(2). Pp. 264.
27. Kruglanski A.W., Webber D., Koehler D. Radicals' journey: German Neo-Nazis' voyage to the edge and back. New York: Oxford University Press, 2019.
28. Moscovici S., Zavalloni M. The group as a polarizer of attitudes // Journal of Personality and Social Psychology. 1969. V.12. № 2. Pp. 125-135
29. Rogowski J.C. Voter Decision-Making with Polarized Choices // British Journal of Political Science. 2018. V.48. Issue 1. Pp. 1-22.
30. Van S., Lyn M. Extreme members and group polarization // Social Influence. 2009. V. 4(3). Pp. 185-199.
31. Victoroff J., Kruglanski A.W. (Eds.) Psychology of terrorism. New York: Psychology Press, 2009.
32. Wagner M., Russo L. Affective Polarization Around the World: Measurement, Causes and Consequences. 2021. URL: <https://ecpr.eu/Events/Event/PanelDetails/10463>

**SIGNIFICANCE – QUEST THEORY AND METHODOLOGICAL PROBLEMS OF
STUDYING THE PHENOMENON OF VALUE-AFFECTIVE POLARIZATION OF
SOCIAL GROUPS**

©Aleksandr N. Lebedev

Doctor of Psychological Sciences, Chief Researcher

Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia,
lebedev-lubimov@yandex.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1030-9709>

The reported study was funded by Russian Science Foundation (RSF) № 23-18-00422,
<https://rscf.ru/project/23-18-00422/>

The article discusses the methodological problems of studying the phenomenon of value-affective polarization of social groups. It is argued that significant progress in the study of a number of important psychological phenomena can be achieved on the basis of the principle of stochastic determinism, which works in such sciences as biology, economics, etc. and it is clearly presented in the most detail in the works of D. Kahneman and A.Tversky. Ari Kruglansky's Significance-Quest Theory (SQT) is used to study a person's choice of a value position in conditions of group polarization. This theory considers the search for significance as the «objectification» of a specific need, which is based on an individual's sense of self-worth. The search for significance can lead to both socially positive and negative personal development results that cannot be predicted in advance. The theory of the search for significance and the theory of value-affective polarization make it possible to explain not only the value choice of a group member of the position he occupies in opposition, but also the mechanism of transformation of value polarization into affective, confirmation bias characteristic of representatives of a polarized minority, secondary polarization of a minority group, etc.

Keywords: value-affective polarization of a social group, group polarization, stochastic determinism, Significance-Quest Theory, self-esteem, confirmation bias, minority and majority of a social group

REFERENCES

1. Anisimova O.M., Troshixina E.G. (2008). Samouvazhenie i razvitie lichnosti [*Self-esteem and personal development*] // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Sociologiya [*Bulletin of St. Petersburg University. Sociology*]. V. 4. Pp. 65–74.
2. Vitgenshtejn L. (2001). Zametki po filosofii psixologii / Per. s nem. S.D. Latushkina pod red. V.V. Anashvili [*Notes on the philosophy of psychology / Translated from German by S.D. Latushkin, edited by V.V. Anashvili*]. Moscow: House of Intellectual Books.
3. Greene R. (2021). Zakony` chelovecheskoj prirody` [*The Laws of Human Nature*]. Moscow: Al`pina Pablisher.
4. Kaneman D. (2023). Dumaj medlenno... reshaj by`stro [*Thinking, fast and slow*]. Moscow: AST.
5. Lebedev A.N. (2023). Affekt neopredelennosti i cennostno-affektivnaya polarizaciya bol`shix social`ny`x grupp [*Affect of uncertainty and value-affective polarization of large social groups*] // Ucheny`e zapiski Instituta psixologii Rossijskoj akademii nauk [*Proceedings of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences*]. V.3. №1. Pp.3-17. DOI:10.38098/proceedigs_2023_03_01_02
6. Lebedev A.N. (2022). Gruppovaya polarizaciya mnenij v usloviyax neopredelennosti moral`nogo vy`bora [*Group polarization of opinions in conditions of uncertainty of moral choice*] // E`ksperimental`naya psixologiya [*Experimental psychology*]. V.15. №2. Pp.159-171. doi:10.17759/exppsy.2022150212
7. Lebedev A.N. (2022). K teorii cennostno-affektivnoj polarizacii social`ny`x grupp [*On the theory of value-affective polarization of social groups*] // Ucheny`e zapiski Instituta psixologii RAN [*Proceedings of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences*]. V.2. № 1. Pp. 2-19.
8. Lebedev A.N. (2016). Logiko-stoxasticheskie zadachi v nejromarketinge [*Logical-stochastic tasks in neuromarketing*] // Institut psixologii Rossijskoj akademii nauk. Social`naya i e`konomicheskaya psixologiya [*Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. Social and Economic Psychology*]. V.1. № 4. Pp. 94-114.
9. Lebedev A.N. (2021). Fenomen cennostno-affektivnoj polarizacii rossijskogo obshhestva [*The phenomenon of value-affective polarization of Russian society*] // Ucheny`e zapiski Instituta psixologii RAN [*Proceedings of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences*]. V.1. № 2. Pp. 3-17.
10. Lebedev A.N., Gordyakova O.V. (2021). Fenomen gruppovoj polarizacii v politologii i politicheskoy psixologii SShA i Evropy` [*The phenomenon of group polarization in Political Science and political Psychology of the USA and Europe*] // Institut psixologii Rossijskoj akademii nauk. Social`naya i e`konomicheskaya psixologiya [*Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. Social and economic psychology*]. V.6. №4(24). Pp.123-150.DOI: 10.38098/ipran.sep_2021_24_4_06
11. Lenin V.I. (1968). Materializm i e`mpiriokriticizm. Polnoe sobranie sochinenij. Izdanie 5 [*Materialism and empiriocriticism. The complete works. Edition 5*]. V.18. Moscow: Izdatel`stvo politicheskoy literatury` [*Publishing House of Political Literature*].
12. Leont`ev A.N. (1977). Deyatel`nost`. Soznanie. Lichnost` [*Activity. Conscience. Personality*]. Moscow.
13. Molchanova O.N. (2023). Psixologiya samoocenki : uchebnoe posobie dlya vuzov. 2-e izd. [*Psychology of self-esteem: a textbook for universities. 2nd ed.*]. Moscow: Izdatel`stvo Yurajt [*Yurayt Publishing House*].
14. Prigozhin I. (2001). Konecz opredelennosti. Izhevsk: Regulyarnaya i xaoticheskaya dinamika [*The end of certainty. Izhevsk: Regular and chaotic dynamics*].
15. Proxorov A.O. (1998). Psixologiya neravnovesny`x sostoyanij [*Psychology of nonequilibrium states*]. Moscow: IP RAN.
16. Rubinshtejn S.L. (2000). Osnovy` obshhej psixologii [*Fundamentals of general psychology*]. St. Petersburg: Piter.

17. Xaken G. (2002). Tajny` vospriyatija. Sinergetika kak klyuch k mozgu [*Secrets of perception. Synergetics as the key to the brain*]. Izhevsk: Institut komp`juternyx issledovanij [*Institute of Computer Research*].
18. Shhedroviczkiy G.P. (1997). Filosofiya. Nauka. Metodologiya [*Philosophy. Science. Methodology*]. Moscow: Shkola Kul`turnoj Politiki [*School Of Cultural Policy*].
19. Druckman J.N., Klar S., Krupnikov Y., Levendusky M., Ryan J.B. (2021). Affective polarization, local contexts and public opinion in America // *Nature Human Behaviour*. V.5. Pp. 28-38.
20. Hume D. (1998). *An Enquiry concerning the Principles of Morals*, edited by Tom L. Beauchamp, Oxford: Clarendon Press.
21. Kahneman D. (2011). *Thinking, fast and slow*. NY.: Farrar, Straus and Giroux.
22. Kruglanski A.W. (2019). *The motivated mind*. London, UK: Psychology Press.
23. Kruglanski A.W., Belanger J.J., Gunaratna R. (2019). *The three pillars of radicalization: Needs, narratives, and networks*. New York: Oxford University Press.
24. Kruglanski A.W., Molinario E., Jasko K., Webber D., Leander N.P., Pierro A. (2022). Significance-Quest Theory // *Perspectives on Psychological Science*. №17(4). Pp.1050-1071. <https://doi.org/10.1177/1745691621103482519>.
25. Kruglanski A.W., Szumowska E., Kopetz C. (2021). *The psychology of extremism*. London: Routledge.
26. Kruglanski A.W., Szumowska E., Kopetz C., Vallerand R.J., Pierro A. (2021). On the psychology of extremism: How motivational imbalance breeds intemperance // *Psychological Review*. V.128(2). Pp. 264.
27. Kruglanski A.W., Webber D., Koehler D. (2019). *Radicals' journey: German Neo-Nazis' voyage to the edge and back*. New York: Oxford University Press.
28. Moscovici S., Zavalloni M. (1969). The group as a polarizer of attitudes // *Journal of Personality and Social Psychology*. V.12. № 2. Pp. 125-135
29. Rogowski J.C. (2018). Voter Decision-Making with Polarized Choices // *British Journal of Political Science*. V. 48. Issue 1. Pp. 122.
30. Van S., Lyn M. (2009). Extreme members and group polarization // *Social Influence*. V.4(3). Pp. 185-199.
31. Victoroff J., Kruglanski A.W. (2009). (Eds.) *Psychology of terrorism*. New York: Psychology Press.
32. Wagner M., Russo L. (2001). *Affective Polarization Around the World: Measurement, Causes and Consequences*. URL: <https://ecpr.eu/Events/Event/PanelDetails/10463>